

В. В. Бобров
ШИГИРСКИЙ ИДОЛ:
ИСТОКИ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЫ*

doi: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-45-54

УДК 903.26:39 ББК 63.442.12(235.55)+63.(253.3)

В статье предложены новые версии установки Большого Шигирского идола, приведены способы расположения и закрепления деревянной скульптуры на святилищах народа манси, обитающего в зауральской тайге. В соответствии с критериями искусствоведения Шигирский идол рассматривается как вид монументальной скульптуры. Мезолитический возраст дает основание поставить его в начало ряда монументальной скульптуры дописьменного периода истории Евразии, представленной древнейшими изваяниями, произведениями чемурчекской и окуневской культур, оленными камнями скифского времени и каменными бабами средневековья. Иконография антропоморфного образа Большого Шигирского идола, синтез с его декоративным оформлением демонстрируют сложившуюся изобразительную традицию. Несмотря на существующие идеи происхождения уральского мезолита, автор считает, что изобразительная традиция, воплощенная в Шигирском идоле, могла сформироваться в местной, таежной среде, в отличие от традиции декоративно-прикладного искусства. Обсуждению проблемы возможного длительного существования этой традиции предшествует экскурс о распространении антропоморфных изображений в искусстве культур неолита, эпохи бронзы и раннего железного века Северной Евразии, экскурс о тенденциях развития изобразительных традиций. Что же касается проблемы сохранения мезолитической изобразительной традиции в деревянной скульптуре до нового и новейшего времени в среде современных коренных народов Западной Сибири, то решить ее на археологических источниках пока не представляется возможным. Автором приведено обоснование этого тезиса и предложена оригинальная гипотеза решения проблемы.

Ключевые слова: мезолит, идол, монументальная скульптура, изобразительная традиция, святилище, искусство, Урал, Западная Сибирь

Идолу, обнаруженному на Шигирском торфянике, уникальность которого сохраняется до настоящего времени, посвящено большое количество научных работ.¹ Одним из резуль-

татов интеграции археологии с естественными науками явилось определение абсолютной хронологии идола в пределах 11 000 кал. лет.² Нет необходимости давать описание этого удивительного произведения изобразительного творчества мезолитических охотников Зауралья: это достаточно профессионально и детально сделано специалистами. Но о его метрических данных следует напомнить. По сведениям Н. М. Чаиркиной и других специалистов, длина, или высота, Большого Шигирского идола — 530 см, ширина — 23–25,5 см, о толщине, к сожалению, информации нет. Соответственно, соотношение ширины к высоте составляет 1:20, т. е. вся фигура воспринимается зрителем как узкая полоска, к тому же имеющая шесть ярусов с изображением лица человека и с резным орнаментом. Седьмой ярус — вершина, увенчанная скульптурным изображением головы человека. Чтобы композиция воспринималась в целом, идола

¹ См.: Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала // Тр. ГИМ. 1940. Вып. 10; Чаиркина Н. М. Тайны торфяников // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004. С. 109–143; Она же. Большой Шигирский идол // Урал. ист. вестн. 2013. № 4 (41). С. 100–110; Она же. Деревянная антропоморфная скульптура Зауралья // АЭАЕ. 2014. № 1 (57). С. 81–89; Савченко С. Н., Жилин М. Г. О выявленных новых деталях изображений Большого Шигирского идола // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004. С. 130–135; Кокшаров С. Ф. Об истоках антропоморфных образов на керамике самусьской культуры // Урал. ист. вестн. 2010. № 1 (26). С. 15–20; Сериков Ю. Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил, 2014; Калинина И. В. Мезолитический субстрат в орнаментальной традиции обских угров // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут, 2007. С. 106–124; и др.

*Бобров Владимир Васильевич — д.и.н., профессор, заведующий кафедрой археологии, Кемеровский государственный университет; заведующий отделом гуманитарных исследований, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН (г. Кемерово)
 E-mail: klae@kemsu.ru*

* Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ № 33.2597.2017/ПЧ

² См.: Предварительные результаты исследований деревянной культовой скульптуры — Большого Шигирского идола / Жилин М. Г., Савченко С. Н., Тербергер Т., Хойсснер К.-У. // Седьмые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2016. С. 30–32.

необходимо было установить на контрастирующем фоне. Среди многочисленных версий о том, как стоял и как был закреплен идол, отмечу лишь одну оригинальную идею, которая предполагает установку идола на плоту.³ Несмотря на значительное количество реконструкций, осмелюсь предложить еще одну версию его использования.

Не исключено, что идола хранили в каком-то особом месте, а на время проведения ритуальных церемоний устанавливали у специально сделанной стенки, завешанной шкурами животного. Клинья по бокам удерживали скульптуру в вертикальном положении. Также напрашивается версия о том, что шигирская находка являлась основной частью деревянного столба, вместе с которым она составляла многоликого идола барельефного характера. Для решения проблемы использования идола целесообразнее обратиться к этнографическим материалам. Благоприятным обстоятельством является то, что они свидетельствуют о духовной культуре народа, обитающего на той же и сопредельной территории. В дневниковых записях экспедиций 1983–1985 гг. И. Н. Гемуева к манси указаны деревянные идолы, прислоненные как к стене сруба (культовое место Хури), так и к сооружению из пяти горизонтальных жердей между двух деревьев (культовое место Хулим-я). Им же зафиксировано сооружение из двух стоек высотой 3,7 м с четырьмя бревнами-перекладинами на культовом месте Торум-кан.⁴ Возвращаясь к Шигирской находке, отметим, что в любом случае установленный идол органично вписывался в среду обитания населения Зауралья эпохи позднего мезолита, воздействуя на их эмоциональное состояние и общественное сознание.

В искусствоведении достаточно четко определены критерии классификации предметов изобразительного творчества и архитектуры, а также признаки, соответствующие ее таксонам. Исходя из этого, можно заключить, что сформированные знания о Большом Шигирском идоле, включая мировоззренческую реконструкцию, соответствуют характеристикам рода монументального пластического искусства

и его вида — монументальной скульптуры (критерии — форма, назначение, сочетание с природной средой и общественно значимое идейное содержание). Это ставит Шигирского идола в один ряд с изваяниями из камня степного пояса Евразии (не будем касаться других ландшафтов и континентов). По возрасту он первый среди древнейших (рис. 1, 2) и окуневских (рис. 1, 6, 7) изваяний, чемурчешских антропоморфов (рис. 1, 3, 4), оленных камней (рис. 1, 5) и изваяний средневековых номадов степей Евразии (рис. 1, 8, 9). Завершает этот ряд деревянная скульптура западносибирского таежного населения — хантов и манси (рис. 1, 10). Если же приводить скульптуру других народов, то ареал будет иметь более широкое географическое пространство.

С территории Южного Урала происходит находка так называемого монументального искусства, по мнению С. В. Богданова и В. Г. Котова, более древняя, чем Шигирский идол. Небольших размеров плитку с изображением оленя, выполненным в технике барельефа, они датируют солотре-мадленским возрастом. Это фрагмент каменной плиты с изображением животных и людей, другие части плиты уничтожены.⁵ К сожалению, неизвестен археологический контекст находки и целостный облик плиты, что не позволяет относить ее к произведению монументального искусства. Некоторое сомнение вызывает также датировка фрагмента плиты. На территории Южной Сибири известны изображения на камне, выполненные в технике барельефа, которые, по мнению специалистов, относятся к эпохе бронзы.⁶

Характеристика иконографических и стилистических особенностей Шигирского идола, представленная в работах специалистов,⁷ позволяет поставить несколько вопросов. Приведем главные из них. 1. Приемы передачи образа, сочетание барельефа и орнамента, композиционная конструкция идола позволяют видеть в нем сложившуюся изобразительную традицию. Где истоки этой традиции? 2. Большинство исследователей разделяют точку зрения С. В. Иванова о деревянных идолах древнего населения Зауралья как об истоках

³ См.: Окладникова Е. А., Анисимов Н. П., Паранина Г. Н. Большой Шигирский идол — модель мира населения Урала эпохи неолита // Сев.-Вост. гуманит. вестн. Якутск, 2012. № 1 (4). С. 67–76.

⁴ См.: Бауло А. В. Экспедиции Измаила Гемуева к манси: этнокультурные исследования в Нижнем Приобье. Новосибирск, 2016. Т. 1: 1983–1985 годы. С. 153, 163.

⁵ См.: Богданов С. В., Котов В. Г. Новая находка произведения монументального искусства на Южном Урале // Проблемы первобытной культуры. Уфа, 2001. С. 113–116.

⁶ См.: Молодин В. И., Погожева А. П. Плита из Озерного (Горный Алтай) // СА. 1990. № 1. С. 167–177.

⁷ См.: Эдинг Д. Н. Указ. соч.; Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.

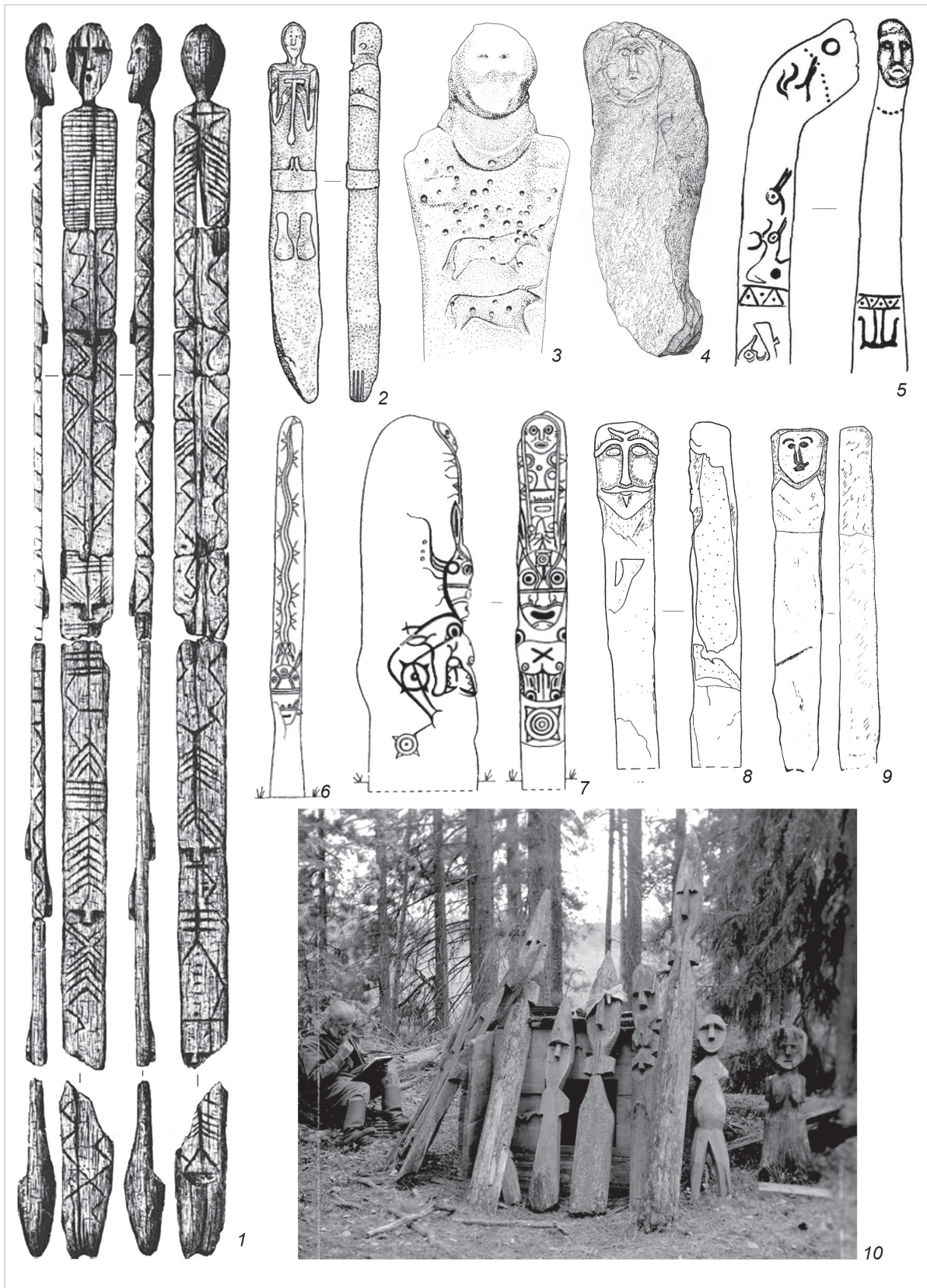

Рис. 1. 1 — Большой Шигирский идол (по Н. М. Чаиркиной) и монументальная скульптура Северной Азии;
 2 — стела ямной КИО, Чобручи (по С. В. Ивановой); 3, 4 — чемурчешские статуи (по А. А. Ковалеву);
 5 — олений камень, Хубсугульский аймаг, пос. Агар, Монголия (по В. В. Волкову); 6, 7 — окуневские изваяния
 (по Н. В. Леонтьеву, В. Ф. Капелько, Ю. Н. Есину); 8, 9 — древнетюркские изваяния (по Л. Н. Ермоленко);
 10 — деревянные идолы манси (фотография А. В. Бауло).
 1 — мезолит; 2-4, 6, 7 — эпоха бронзы; 5 — поздняя бронза — ранний железный век;
 8, 9 — эпоха средневековья; 10 — этнографическое время

скульптуры народов Западной Сибири. Но между ними не одно тысячелетие. Кто в этом безбрежном временном отрезке сохранял изобразительную традицию? В какой исторической среде осуществлялась ее передача от культуры к культуре, от эпохи к эпохе? Преимущественно она должна была находить воплощение в процессе социализации молодого поколения общества.

На первый вопрос ответить непросто. Достаточно обратить внимание на то, что даже среди немногочисленной деревянной скульптуры из торфяников Зауралья Шигирский идол выделяется разительно. И. В. Калинина на основании сходства орнаментальных мотивов на наконечниках из Камня Дыроватого с мотивами декоративно-прикладного искусства хантов обосновывает мезолитический субстрат в орнаментальной традиции обских угров.⁸ Но было бы целесообразным обратить внимание на идентичность орнаментальных мотивов идола и мезолитических наконечников стрел, в частности, таких как зигзаг, прямые линии с раздвоенным окончанием, ромб, что позволяет предполагать местную творческую среду его создания. Но в этом сомневаться не приходится. Более любопытны антропоморфные изображения на некоторых костяных наконечниках этого времени. В технике гравировки на узкой плоскости наконечника передана тонкая, высокая фигура человека с гипертрофированно короткими руками. Эти изображения не сопоставимы с идолом в силу принадлежности к разным видам искусства. Но все же есть уловимое сходство в пропорции. Случайно ли это? Наконец, для ответа на поставленный вопрос об истоках изобразительной традиции используем такой косвенный фактор, как сравнение состояния культуры мезолитических охотников различных районов — Приуралья, Зауралья, Западной и Южной Сибири. Свод памятников и особенности культурных комплексов приведены В. Ф. Старковым и Ю. Б. Сериковым в томе «Мезолит СССР», Л. Л. Косинской — в 1-м томе «Истории Ямала», Ю. Б. Сериковым — в монографии «Палеолит и мезолит Среднего Зауралья». Даже если учитывать неравномерную изученность территорий Евразии, специфику археологических источников, обоснованную в теории науки, тем не менее, можно заключить, что облик и уровень раз-

вития мезолитической культуры Среднего Зауралья несколько выше, что разительно отличает ее от культуры сопредельных и более удаленных территорий, таких как Северный Казахстан, Горный Алтай, Красноярско-Канская лесостепь. В какой-то степени этот вывод побуждает искать истоки формирования изобразительной традиции мезолита Урала в «мутных» миграционных потоках. Но идея автохтонной линии развития, на мой взгляд, более предпочтительная. Изобразительный стиль, характерный для шигирской и горбуновской скульптуры, мог возникнуть только в среде обитателей тайги.

Прежде чем дать ответ на второй вопрос, целесообразно было бы обратиться к древнему искусству Северной Азии, хотя бы потому, что Зауралье относится к этой части континента. Сюжет первый — о взаимосвязи разных видов искусства в изображении человека. Антропоморфная скульптура эпохи неолита и раннего металла в виде мелкой пластики немногочисленна, но широко распространена на территории Северной Азии (рис. 2). Находки локализованы преимущественно на юге Средней Сибири,⁹ в Приамурье и Приморье,¹⁰ а также в Западной Сибири.¹¹ Небезынтересно, что антропоморфная скульптура малых форм отсутствует или пока не найдена на территории Забайкалья и в культурах бассейна реки Лены. Но на этом географическом пространстве антропоморфные изображения представлены на большинстве памятников наскального искусства.¹² В Забайкалье такая ситуация сохранялась до эпохи раннего железа, но с этого периода наскальные образы дополнили оленные камни, в которых практически все исследователи усматривают антропоморфную фигуру. Вряд ли это можно принять за объяснение отсутствия статуарных изображений человека, хотя полностью исключить

⁹ См.: Бобров В. В. Мобильное искусство Сибири в переходное время от эпохи камня к палеометаллу // Искусство бронзового века: материалы междунар. симпозиум. Новосибирск; Берлин, 2015. С. 8–18.

¹⁰ См.: Медведев В. Е. Объемная скульптура в неолите Приамурья // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда. Казань, 2014. Т. 1. С. 293–296.

¹¹ См.: Студзицкая С. В. Изображение человека в искусстве древнего населения Урало-Сибирского региона // Первобытное искусство. Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. С. 73–88.

¹² См.: Кочмар Н. Н. Писаницы Якутии. Новосибирск, 1994; Тиваненко А. В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск, 1989; Он же. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. Новосибирск, 1994.

⁸ См.: Калинина И. В. Указ. соч.

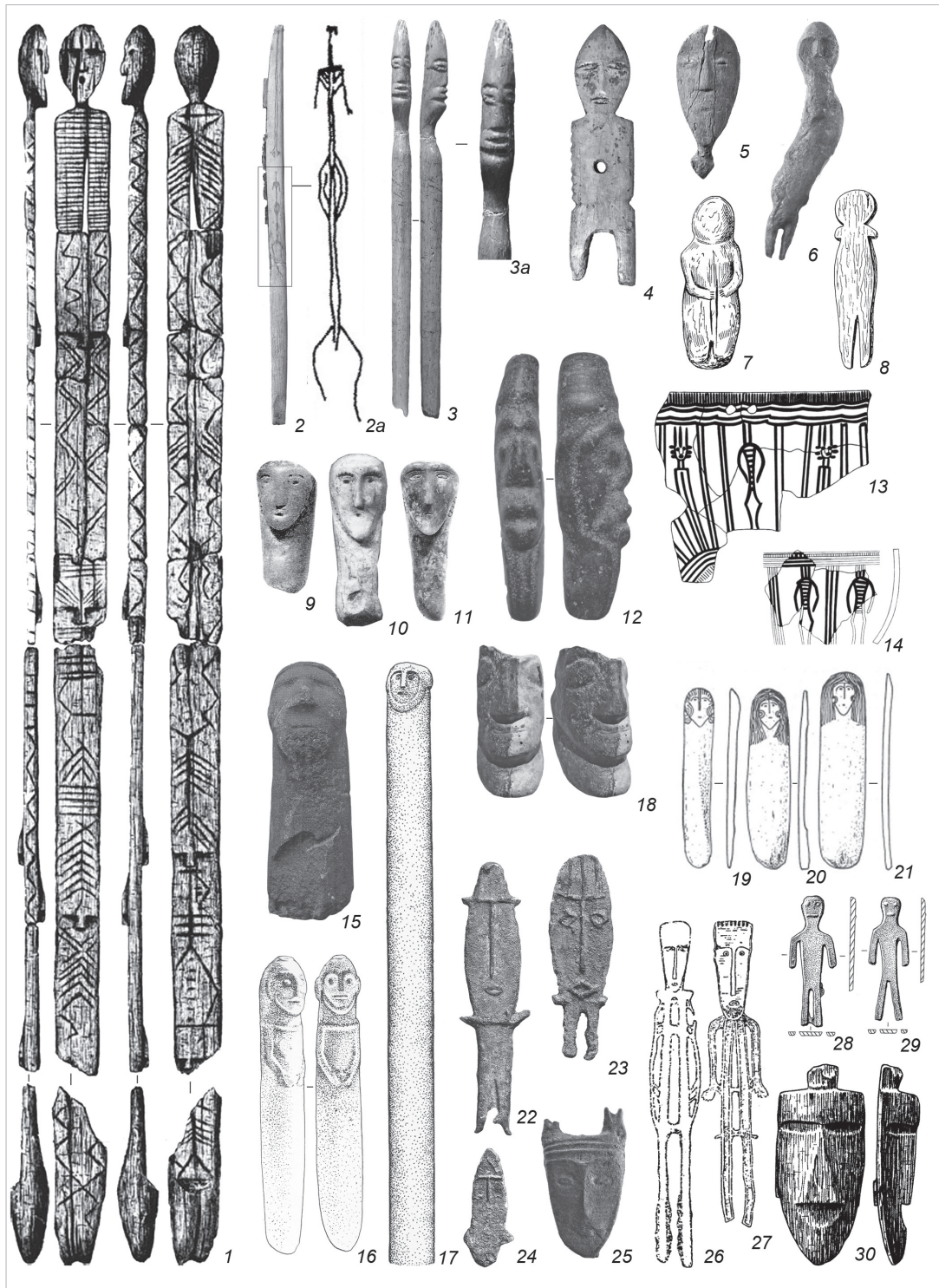

Рис. 2. 1 — Большой Шигирский идол (по Н. М. Чаиркиной) и антропоморфные изображения в мобильном искусстве Северной Азии; 2 — наконечник стрелы из пещеры Камень Дыроватый (по И. В. Калининой); 3 — антропоморфный стержень, пос. Танай 4а (по В. В. Боброву); 4 — Братский камень, 5 — Усть-Уда, 6 — Шумилиха (по В. И. Базалийскому и др.), Прибайкалье; 7, 8 — древнеберингоморская и древнеэскимосская скульптура (по М. А. Кирьяк); 9 — Сыда I, 10, 11 — Черновая VIII (по Э. Б. Вадецкой), 19–21 — Верхний Аскиз I (по С. В. Хаврину), окуневская культура; 12–14, 18 — Самусь IV, самусьская культура (по И. В. Ковтуну, Ю. Н. Есину); 15 — «Саввушкинский» жезл (по И. В. Ковтуну); 16, 17 — чемурчешские стержни из китайских провинций Цитай и Хутуби (по А. А. Ковалеву); 22–24 — Соровский ритуальный комплекс (по О. В. Кардаш), 25 — находка у с. Оськино (по Л. В. Панкратовой, Л. М. Плетневой), 26, 27 — случайные находки (по Л. А. Чиндиной), кулайская культура; 28–30 — Боровянка XVII (по А. А. Погодину, А. В. Полеводову, А. Я. Труфанову).

1, 2 — мезолит; 3 — энеолит; 4–6, 9–21 — эпоха бронзы; 7, 8 — неолит–бронза; 22–27 — ранний железный век; 28–30 — рубеж развитой — поздней бронзы

данную идею не следует. Тенденцию, близкую забайкальской, можно проследить в Западных Саянах и на Горном Алтае, где выявлено огромное количество памятников наскального искусства, содержащих образы, сюжеты и композиции, созданные в период от палеолита¹³ до конца нового времени. Но только в скифское время и средневековье здесь появляются статуарные изображения человека в виде оленних камней и изваяний. Отметим, что монументальное искусство этих исторических периодов — явление евразийское, свойственное кочевникам степей и высокогорных долин.¹⁴ Если обратиться к археологическим материалам открытых пространств, сопредельных с горной системой Саяно-Алтая, то следует констатировать, что в них представлена антропоморфная скульптура малых форм, а монументальная — отсутствует. Исключение составляет территория Хакасско-Минусинской котловины, где в период развитой бронзы существовала окуневская культура. В искусстве носителей этой культуры образ человека представлен в мелкой пластике (гравировка на кости, скульптура), в виде каменных изваяний, на петроглифах, писаницах, на каменных плитах оград и могил окуневских курганов.¹⁵ Но, скорее всего, это исключительное культурно-историческое явление в древности на территории Среднего Енисея. В последующие исторические периоды в археологических культурах этого региона образ человека находил воплощение практически только в наскальном творчестве.

Изложенное позволяет заключить, что между разными формами и видами искусства наблюдается некоторая взаимосвязь в изображении человека. Все же обратим внимание на тот факт, что на огромном пространстве Западно-Сибирской низменности нет условий для наскального изобразительного творчества. На юго-востоке низменности это только отроги Кузнецкого Алатау, а на западе — горы Уральского кряжа, на которых представле-

ны памятники наскального искусства в виде петроглифов и писаниц. В культурах на обширном пространстве между ними начиная с мезолита и до нового времени получило развитие искусство преимущественно малых форм. В какой-то степени подтверждает такую взаимосвязь археология Нижнего Приамурья и Прибайкалья. Петроглифы Сикачи-Аляна представлены разрозненными гранитными валунами,¹⁶ а у села Шереметьево — скальными плоскостями. Образ антропоморфа — в основном личина. Памятники эпохи неолита этого региона дали уникальные образцы предметов искусства, среди которых отведено место и образу человека. В более поздние периоды заметно меньше представлена мелкая пластика и единичны антропоморфные фигуры.¹⁷ В Прибайкалье открытые сравнительно недавно петроглифы являются достаточно скромными по площади, количеству образов и по композиции. Они, скорее всего, имеют отношение к палеометаллу. Отмеченную взаимосвязь видов искусства, на мой взгляд, не следует абсолютизировать.

Второй сюжет — тенденции развития изобразительных традиций. Решение этой проблемы требует трудоемкого, скрупулезного исследования с учетом всего многообразия исторических факторов. Однако даже при первом знакомстве с источниками становится очевидным, что антропоморфные изображения в виде скульптуры демонстрируют разные изобразительные традиции в пределах азиатской части России. Чрезвычайно важно то, что подобное явление можно зафиксировать в первобытной и средневековой археологии конкретного региона. В качестве примера можно привести археологические материалы Нижнего Приамурья. В значительной степени это объясняется многообразием археологических культур, историко-культурными процессами, которые приводили к смене этнического состава, что влекло за собой утрату традиции, в частности изобразительной. Любопытная тенденция прослеживается по материалам сейминско-турбинского времени на территории Евразии. В них выражены две линии развития. Первая отвечает сейминско-турбинским древностям как транскультурному явлению. Нетрудно заметить стилистическое

¹³ См.: Молодин В. И., Черемисин Д. В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск, 1999.

¹⁴ См.: Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре ранних кочевников Евразии. СПб., 1994; Ермоленко Л. Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск, 2004.

¹⁵ См.: Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006; Савинов Д. Г. Стратиграфия окуневского искусства // Искусство бронзового века: материалы междунар. симпози. Новосибирск; Берлин, 2015. С. 19–53.

¹⁶ См.: Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. М., 2005.

¹⁷ См.: Okladnikov A. Ancient art of the Amur region. London, 1981.

и иконографическое сходство антропоморфных фигур этого времени (независимо от позы) на территории от Урала до Монголии и Китая (Синьцзян). Второй линии развития свойственно разнообразие изобразительных приемов и даже традиций, о чем свидетельствуют антропоморфные изображения самусьской и окуневской культур. В конечном итоге можно констатировать, что на большей части Азиатской России происходила смена изобразительной традиции. Исключение составляли Чукотка и Камчатка — в силу многих факторов, обусловивших специфику и темпы историко-культурного развития населения.¹⁸

Что же касается развития изобразительной традиции на территории Западной Сибири, то дать однозначный ответ не представляется возможным. Во-первых, историко-культурные процессы в широтно расположенных ландшафтных зонах имели разную динамику. Археология западносибирской лесостепи демонстрирует многообразие археологических культур как в синхронном, так и в диахронном аспектах. Это существенно отличает ее от дописьменного периода истории таежной зоны. Во-вторых, мелкая пластика по количественному и качественному составу неравномерно представлена в древностях разных природных ландшафтов. В-третьих, одной из особенностей искусства мелкой пластики Западной Сибири является плоское литье. На заключительном этапе эпохи камня изображений человека немного. Еще меньше их в эпоху бронзы.¹⁹ Среди находок эпохи бронзы выделяются изделия из могильника Боровянка XVII,²⁰ в котором было найдено 7 плоских фигурок из бронзы и миниатюрное изображение головы человека из дерева (рис. 2, 28–30). Иконографический анализ позволил авторам публикации выявить изобразительные приемы, получившие распространение и развитие в кулайской изобразительной традиции.²¹ Совершенно иной стиль демонстрируют антро-

поморфные скульптурки самусьской (рис. 2, 12–14, 18) и окуневской (рис. 2, 9–11, 19–21) культур. В эпоху поздней бронзы на территории Западной Сибири некоторое распространение получила скульптура из такого пластичного материала, как глина. Но расцвет изобразительного творчества с ведущим образом человека пришелся на вторую половину I тыс. до н. э. — первую половину I тыс. н. э. (рис. 2, 22–27). Ж. Н. Труфановой убедительно показано, что в кулайском искусстве можно выделить несколько стилистико-иконографических групп.²² Кулайский стиль улавливается в изобразительном творчестве обитателей тайги в последующие исторические периоды. Оно нашло воплощение как в плоском бронзовом литье, так и в гравировке по металлу.

Мы подошли к поиску ответа на второй вопрос. По мнению многих исследователей западносибирских древностей и культуры коренных народов этого региона, истоки угорской ритуальной скульптуры лежат в объемном творчестве неолитических и даже мезолитических охотников Зауралья. При этом ссылки делаются на деревянную скульптуру из культурных слоев торфяников и на деревянные идолы хантов и манси, опубликованных С. В. Ивановым.²³ Не опровергая эту точку зрения, выскажем некоторые соображения, предостерегающие от прямолинейных выводов. Во-первых, за 40–50 лет после публикации научных исследований В. И. Мошинской и С. В. Иванова (не потерявших значения) количество археологических и этнографических источников значительно увеличилось. Более того, они демонстрируют иконографическое и стилистическое разнообразие, в частности в изображении человека. Во-вторых, установлено использование древних образцов металлопластики в духовной культуре коренных народов Западной Сибири,²⁴ причем эти предметы искусства относятся к разным периодам и археологическим культурам (среди них особое место занимает сасанидское художественное серебро). Они не могли не вызвать трансформацию в традиционном

¹⁸ См.: Кирьяк М. А. (Дикова). Древнее искусство севера Дальнего Востока как исторический источник (каменный век). Магадан, 2003.

¹⁹ См.: Студзицкая С. В. Изображение человека в искусстве древнего населения Урало-Сибирского региона // Первобытное искусство. Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. С. 73–88; Молодин В. И. Древнее искусство Западной Сибири. Сеул, 2003. Кор. яз.; Стефанов В. И. Забытая находка из Черноозерского могильника // РА. 2004. № 4. С. 114–118.

²⁰ См.: Погодин А. А., Полеволодов А. В., Труфанов А. Я. Бронзовая антропоморфная пластика могильника Боровянка XVII // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 195–206.

²¹ Там же. С. 202.

²² См.: Труфанова Ж. Н. Плоское ажурное литье кулайской культуры (стилистико-иконографический анализ): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003.

²³ См.: Иванов С. В. Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1970.

²⁴ См.: Гемув И. Н., Молодин В. И., Сагалаев А. М. Древняя бронза в обрядности манси // Проблемы реконструкции в этнографии. Новосибирск, 1984. С. 62–80; Бауло А. В. Древняя бронза из этнографических коллекций и случайных сборов. Новосибирск, 2011.

изобразительном искусстве малочисленных коренных народов Западной Сибири. Будет ли правомерным на этой основе решать проблему сохранения и развития изобразительной традиции? Я бы остерегся дать утвердительный ответ на этот вопрос. В-третьих, тождество изобразительной традиции может быть определено в какой-то степени материалом для скульптуры и инструментами деревообработки. Если признать

преимущество изобразительной традиции в скульптуре, то можно предположить, что в западносибирской тайге сохранялась традиция изготовления деревянных идолов вплоть до формирования культуры современных коренных народов Западной Сибири. Деревянные идолы южнотаежной кыштовской культуры, найденные на памятнике Сопка-2, могут служить подтверждением этой гипотезы.²⁵

Vladimir V. Bobrov

Doctor of History, Professor, Kemerovo State University; Institute for Human Ecology, Federal Research Centre for Coal and Coalchemistry, Siberian Branch of the RAS (Russia, Kemerovo)

E-mail: klae@kemsu.ru

THE SHIGIR IDOL: THE SOURCES OF THE MONUMENTAL SCULPTURE

The article offers some new versions for the interpretation of the Great Shigir Idol erection. It describes the possible methods for the wooden sculpture positioning and fixation in the sacred places of the Mansi people living in the Trans-Ural taiga. In accordance with the art studies criteria the Shigir Idol belongs to the monumental sculpture category. Its Mesolithic age justifies its positioning in the beginning of the line of monumental sculpture of the preliterate period in the history of Eurasia represented with the pre-Yamnaya statues, the Chemurchek and the Okunev culture images, the Scythian time 'deer stones', and the stone images of the Middle Ages. The iconography of the anthropomorphic imagery of the Great Shigir Idol in synthesis with its ornamental pattern demonstrated the existence of a mature figurative tradition. Despite the existing theories about the origins of the Ural's Mesolithic the author believes that the figurative tradition represented in the Shigir Idol could have formed within the local taiga environment as opposed to the handicrafts or the ornamental art traditions. The discussion of the problem of the possible long-term existence of this tradition is preceded by the review of the ways of the anthropomorphic images distribution in the art of the Neolithic, the Bronze and the Early Iron Age cultures in Northern Eurasia, as well, as the review of the general trends of the figurative traditions evolution. However the problem of the survival of the Mesolithic figurative tradition in wooden sculpture till the modern and the contemporary periods among the modern indigenous peoples of Western Siberia cannot be solved so far on the basis of the available archaeological sources. The author provides arguments in favor of this thesis and offers an original hypothesis for addressing the problem.

Key words: *Mesolithic, idol, monumental sculpture, pictorial tradition, sanctuary, art, Ural, Western Siberia*

REFERENCES

- Baulo A. V. [Mobile Art of Siberia in the Transitional Period from the Stone Age to Paleometall]. *Iskusstvo bronzovogo veka. Materialy mezhdunar. Simpoz.* [The art of the Bronze Age. Materials of the Intern. Sympos.]. Novosibirsk, Berlin: NGU Publ., 2015, pp. 8–18. (in Russ.).
- Baulo A. V. *Drevnyaya bronza iz etnograficheskikh kollektiy i sluchaynykh sborov* [Ancient bronze from ethnographic collections and random collections]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2011, 284 p. (in Russ.).
- Baulo A. V. *Ekspeditsii Izmaila Gemueva k mansi: etnokulturnye issledovaniya v Nizhnem Priobe* [Expeditions of Izmail Gemuev to Mansi: ethno-cultural studies in the Lower Ob region]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2016, vol. 1, 284 p. (in Russ.).
- Bogdanov S. V., Kotov V. G. [A new find of the work of monumental art in the Southern Urals]. *Problemy pervobytnoy kultury* [Problems of primitive culture]. Ufa: Gilem Publ., 2001, pp. 113–116. (in Russ.).

²⁵ См.: Молодин В. И., Соловьев А. И. Типология культовых комплексов эпохи средневековья Обь-Иртышской лесостепи и некоторые аспекты их семантики // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 3 (31). С. 44–52.

- Chairkina N. M. [Anthropomorphic Wooden Figures from the Trans-Urals]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2014, no. 1 (57), pp. 81–89. (in Russ.).
- Chairkina N. M. [Big Shigir Idol]. *Ural'skiy istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2013, no. 4 (41), pp. 100–110. (in Russ.).
- Chairkina N. M. [Mysteries of peatlands]. *Kultovye pamyatniki gorno-lesnogo Urala* [Cult monuments of the mountain-forest Urals]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2004, pp. 109–143. (in Russ.).
- Devlet M. A., Devlet E. G. *Mify v kamne. Mir naskalnogo iskusstva Rossii* [Myths are in stone. The world of rock art of Russia]. Moscow: "Apeteya" Publ., 2005, 472 p. (in Russ.).
- Eding D. N. *Reznaya skulptura Urala* [Carved sculpture of the Urals]. Moscow: GIM Publ., 1940, 104 p. (in Russ.).
- Ermolenko L. N. *Srednevekoveye kamennye izvayaniya kazakhstanskikh stepey (tipologiya, semantika v aspekte voennoy ideologii i traditsionnogo mirovozzreniya)* [Medieval stone sculptures of Kazakhstan steppes (typology, semantics in the aspect of military ideology and traditional worldview)]. Novosibirsk: IAE SO RAN Publ., 2004, 133 p. (in Russ.).
- Gemuev I. N., Molodin V. I., Sagalaev A. M. [Ancient bronze in the ritual of Mansi]. *Problemy rekonstruktsii v etnografii* [Problems of reconstruction in ethnography]. Novosibirsk: IIFF AN SSSR Publ., 1984, pp. 62–80. (in Russ.).
- Ivanov S. V. *Skulptura narodov Severa Sibiri XIX — pervoy poloviny XX v.* [Sculpture of the peoples of the North of Siberia 19th — first half of 20th century.]. Leningrad: Nauka Publ., 1970, 296 p. (in Russ.).
- Kalinina I. V. [Mesolithic substratum in the ornamental tradition of Ob Ugrians]. *Mif, obryad i ritualnyy predmet v drevnosti* [Myth, rite and ritual object in antiquity]. Ekaterinburg; Surgut: "Magellan" Publ., 2007, pp. 106–124. (in Russ.).
- Kiryak M. A. (Dikova). *Drevnee iskusstvo severa Dalnego Vostoka kak istoricheskiy istochnik (kamennyy vek)* [The ancient art of the north of the Far East as a historical source (the Stone Age)]. Magadan: SVKNII DVO RAN Publ., 2003, 278 p. (in Russ.).
- Kochmar N. N. *Pisanitsy Yakutii* [Pisanitsy s of Yakutia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1994, 263 p. (in Russ.).
- Koksharov S. F. [On the origins of anthropomorphic images on ceramics of Samus Culture]. *Ural'skiy istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2013, no. 4 (41), pp. 100–110. (in Russ.).
- Leontev N. V., Kapelko V. F., Esin Yu. N. *Izvayaniya i stely okunevskoy kultury* [The statues and steles of Okunev culture]. Abakan: KhakNIYaLI Publ., 2006, 234 p. (in Russ.).
- Medvedev V. E. [A voluminous sculpture in the Neolithic Priamu]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo sezda* [Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress]. Kazan: Otechestvo Publ., 2014, vol. 1, pp. 293–296. (in Russ.).
- Molodin V. I. *고고학자료로 본 고대 시베리아의 예술세계* [The ancient art of Western Siberia]. 서울: 주류성 Publ., 2003, 303쪽. (in Korean).
- Molodin V. I., Cheremisin D. V. *Drevneyshie naskalnye izobrazheniya ploskogorya Ukok* [The oldest rock carvings of Ukok plateau]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1999. 160 p. (in Russ.).
- Molodin V. I., Pogozheva A. P. [Plate from Ozerny (Mountainous Altai)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1990, no. 1, pp. 167–177. (in Russ.).
- Molodin V. I., Solovov A. I. [The typology and meaning of Medieval ritual constructions in the Ob — Irtysh Interfluve]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2007, no. 3 (31), pp. 44–52. (in Russ.).
- Moshinskaya V. I. *Drevnyaya skulptura Urala i Zapadnoy Sibiri* [Ancient sculpture of the Urals and Western Siberia]. Moscow: Nauka Publ., 1976, 132 p. (in Russ.).
- Okladnikov A. Ancient art of the Amur region. London: Aurora art publishers, 1981, 159 p. (in English).
- Okladnikova E. A., Anisimov N. P., Paranina G. N. [The Great Shigir idol — world model of the Ural population from the Neolithic]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2012, no. 1 (4), pp. 67–76. (in Russ.).
- Pogodin A. A., Polevolodov A. V., Trufanov A. Ya. [Bronze anthropomorphic plastics of burial ground Borovyanka 17]. *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priobya* [Barsova Gora: antiquities of the taiga Priobye]. Ekaterinburg; Surgut: Uralskoe izdatelstvo Publ., 2008, pp. 195–206. (in Russ.).
- Savchenko S. N., Zhilin M. G. [About new details of images of the Great Shigir idol]. *IV Bersovskie chteniya* [The 4th Bersov Readings]. Ekaterinburg: AKVA-PRESS Publ., 2004, pp. 130–135. (in Russ.).

- Savinov D. G. [The stratigraphy of Okunev's art]. *Iskusstvo bronzovogo veka. Materialy mezhdunar. Simpoz.* [The art of the Bronze Age. Materials of the Intern. Sympos.]. Novosibirsk, Berlin: NGU Publ., 2015, pp. 19–53. (in Russ.).
- Savinov D. G. *Olennye kamni v kulture rannikh kochevnikov Evrazii* [Deer stones in the culture of the early Nomads of Eurasia]. Saint Petersburg: SPbGU Publ., 1994, 208 p. (in Russ.).
- Serikov Yu. B. *Ocherki po pervobytnomu iskusstvu Urala* [Essays on the primitive art of the Urals]. Nizhny Tagil: NTGSPA Publ., 2014, 268 p. (in Russ.).
- Stefanov V. I. [A forgotten find from the cemetery Chernoozer'e]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2004, no. 4, pp. 114–118. (in Russ.).
- Studitskaya S. V. [Images of man in the art of the Ural-West Siberian region (the Bronze Age)]. *Antropomorfnye izobrazheniya. Pervobytnoe iskusstvo* [Anthropomorphic images. Primitive art]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987, pp. 73–88. (in Russ.).
- Tivanenko A. V. *Drevnie svyatilishcha Vostochnoy Sibiri v epokhu kamnya i bronzy* [Ancient sanctuaries of Eastern Siberia in the era of Stone and Bronze]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1989, 202 p. (in Russ.).
- Tivanenko A. V. *Drevnie svyatilishcha Vostochnoy Sibiri v epokhu rannego srednevekovya* [Ancient sanctuaries of Eastern Siberia in the era of the early Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1994, 150 p. (in Russ.).
- Trufanova Zh. N. *Ploskoe azhurnoe lite kulayskoy kultury (stilistiko-ikonograficheskiy analiz): avtoref. kand. diss.* [Flat openwork casting of the Kulai culture (stylistic and iconographic analysis): Abst. Diss. Cand.]. Izhevsk, 2003, 26 p. (in Russ.).
- Zhilin M. G., Savchenko S. N., Terberger T., Heussner K.-U. [Preliminary results of studies of wooden religious sculpture — the Great Shigir idol]. *Sedmye Bersovskie chteniya* [The 7th Bersovsky Readings]. Ekaterinburg: KVADRAT Publ., 2016, pp. 30–32. (in Russ.).